

**«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 24 (61) от 16 июня 2010 г.**

АНАЛИЗ

ФИИРИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Программа ФИИР (форсированного индустриально-инновационного развития) стала для правительства новой идеей, которая вынесет Казахстан на более высокую ступень развития. Логика такова – в стране ресурсы, способствовавшие бурному экономическому росту до кризиса, в значительной степени исчерпаны, новым стимулом для роста могут стать инновации.

Технологические инновации обычно влекут за собой положительные изменения в социальной сфере, в образе жизни большинства людей. Новшества трансформируют и политическую сферу. Однако готова ли наша власть следовать новому тренду развития общества в целом, способна ли отказаться от казахской сырьевой самодовольной ограниченности и сделать выбор между гламурно-пустоголовыми «детьми реформ» и новыми «самураями развития»?

Новый жупел

Десять лет бурного экономического роста после определенного подъема промышленности, огромного роста капитализации казахских компаний, усиления финансовой системы, быстрого роста доходов граждан естественным образом сменились спадом. Торможение казахской экономики было неизбежным не только в связи с мировым кризисом, но и исчерпанием действующей экономической модели. Размер среднего класса стал катастрофически падать. Эта группа населения, которая должна доминировать в развитой стране, сегодня не превышает 20–25%. Дальше ей расти некуда. Между тем, средний класс должен задавать стандарты жизни, воспринимая новое, стабилизировать политическую жизнь.

Новым жупелом для власти стала программа форсированного индустриально-инновационного развития (ФИИР). С начала 2010 года власти обозначили открытие новой эпохи своего экономического развития. Хотя, по сути, эта программа – выжимка из старой «Стратегии индустриально-инновационного развития на 2003–2015 годы» (СИИР).

Разработка программы ФИИР и первые шаги по ее реализации говорят о том, что ее может постигнуть незавидная судьба прежних громких проектов, начиная с «Казахстан-2030», кластерных инициатив, программы «30 корпоративных лидеров».

Главная претензия – отсутствие современной производственной базы. По официальной статистике, последние несколько лет износ средств производства в целом по стране колеблется на уровне 40%, а в отдельных отраслях (энергетике, железнодорожном транспорте, сельском хозяйстве) достигает 70%.

Между тем, совершать ошибки здесь никак нельзя, поскольку это не просто экономический проект, а политический, так как власти сами декларируют о том, что он позволит Казахстану войти в число мировых лидеров. А это значит, что политические игроки Казахстана должны быть адекватными вызовам. ФИИР – это еще и социальный проект, так как должен быть рассчитан на современное изменение жизни миллионов граждан страны. И это главная мысль, которая должна тревожить сердца реализаторов программы.

Есть и еще одна очень серьезная проблема. Власти не смогли вовлечь в финансирование проектов ФИИР бизнес, поскольку ему не продемонстрировали гарантии и реальные результаты казахстанских Силиконовых долин.

А бизнес умеет просчитывать риски. Если бы он был вовлечен в проект, то рискуя своими деньгами, стал той силой, которая не позволила «зависнуть» начинанию. И теперь, когда правительство берет на себя значительную долю финансирования, возникает множество вопросов об эффективности.

Увы, но в Казахстане в сфере индустриализации главным инвестором является государство. В то же время, согласно программе ФИИР, основными источниками финансирования должны были стать внешние займы (43%). Из бюджета на нее выделяется 37%, 15% из Национального фонда, 3% текущие проекты БРК и 2% планируемые займы БРК. Кстати, из 16 млрд внешних займов 13 млрд Казахстан получает от КНР (кстати, эта страна имеет неистребимую привычку не давать займы без госгарантий) и 3 млрд планировали получить от Внешэкономбанка России.

Но и на этом сомнения о реализации ФИИР не кончаются. Серьезные опасения вызывает управление процессами. Например, управление инновационными процессами навеивает сплошное уныние. У нас ни один институт развития, а также нацеленные на это Комиссия по модернизации экономики, Координационный совет по ФИИР не действуют, как американский DARPA, благодаря которому в США в свое время были созданы Интернет и мобильная телефония.

Взять, например, АО «Национальный инновационный фонд». Вы посмотрите на состав его правления, совета директоров. Ни одного инноватора-практика! А есть ли там хоть один успешный менеджер? Работа этого фонда устроена так, что туда надо нести готовые к запуску проекты. Но по логике, государство само должно искать перспективные разработки, наблюдать за развитием науки, давать задания и платить за решения.

Кроме того, нельзя не подвергнуть критике широко практикуемое нашим правительством стремление осуществлять только крупные проекты. Это дает возможность процветать коррупции и снижает ответственность, поскольку такие проекты долгосрочные, и зачастую риски с их неосуществлением можно списать на любые причины, например, на неудачную внешнюю конъюнктуру. В результате малый и средний бизнес, который и мог бы стать катализатором новых идей и процветания, оказывается на обочине экономики. Между тем, именно он во время кризисов снижает удары по экономике страны. В принципе, то же случилось и в Казахстане. МСБ получил серьезный удар от финансово-экономического кризиса и «эффективной» работы правительства в борьбе с последствиями от него.

Кадры решают все

Казахстану «посчастливилось» жить на сломе эпох. На смену индустриализму в современном мире приходит постиндустриализм, основой которого является человеческий капитал. Если в конце прошлого века советская власть могла позволить себе использовать малоквалифицированные кадры, то теперь это недопустимо. Поняла ли власть, что локомотивом индустриализации и политики инноваций является не политика, не финансы, а – КАДРЫ, не ясно, но, как выразился один остролов, «кадры решают все». Осознание этого вызрело буквально на глазах. И уже президент на совете инвесторов говорит об этой проблеме.

Правительство пожинает результаты своей бесшабашной кадровой политики. Кидаясь из крайности в крайность, кабмин позволил занять руководящие позиции, например, в институтах развития молодым людям, лишенным опыта работы на производстве. А отсутствие практики в реальном секторе, на производстве – это большой недостаток. Из обоймы выкинули специалистов, компетентных в сфере индустриализации и получивших образование до 1991 года.

Идея индустриализации и инновационного развития предметно прозвучала не вчера, а уже более 10 лет назад. За это время можно было подготовить два поколения с высшим образованием, четыре с профессиональным и три со средним специальным и профессионально-техническим образованием. На самом же деле произошел откат назад. Так, если в 1994–95 учебном году в республике было 415 профессиональных лицеев (школ), в которых обучалось более 159 тысяч человек, то в 2009–10 учебном году число профшкол сократилось до 306, а количество учащихся до 115 тысяч человек. Самое интересное то, что наибольшее сокращение было зафиксировано в Восточно-Казахстанской, Актюбинской, Атырауской и Мангыстауской областях. А это регионы, которые являются своего рода промышленными локомотивами нашей экономики.

Речь о подготовке квалифицированных кадров велась давно, и проблема активно обсуждалась. Тот же Кайрат Келимбетов, тогда еще председатель «Казыны», намеревался совместно с Торгово-промышленной палатой Казахстана реализовать проект в этом направлении. Когда журналисты в прошлом году интересовались, на какой стадии этот проект, Кайрат Нематович заявил, что не стоит политизировать этот вопрос.

Свою лепту в снижение качества и количества профессиональных кадров внесло и Министерство образования. Главная претензия к госведомству в том, что разрабатываются и спускаются в учебные заведения стандарты без обсуждения и согласования с представителями реального сектора экономики. Утрачен такой важнейший компонент обучения студентов, как прохождение ими реальной практики. Итог – наши вузы выпускают специалистов, в которых страна нуждается менее всего. Например, в Казахском национальном университете ежегодно на факультете машиностроения выпускается 300 человек. Но среди них отсутствуют конструкторы, станкостроители. При этом соотношение выпускников вузов к выпускникам профессиональных школ и колледжей в сложившейся сегодня системе образования составляет десять к одному!

Недооценка роли науки в реформировании экономики и, как следствие, слабая востребованность со стороны производства многих научных разработок, привели к нивелированию развития науки для производства. Процент защиты кандидатских диссертаций по негуманитарным и неэкономическим специальностям вот уже

несколько лет находится на отметке ниже 30%, по докторским этот показатель близок к нулю.

Но даже и здесь наши чиновники занимаются числоперечислением. Вместо того чтобы «форсировать», наши чиновники опять «форсят». За озвученными Министром образования Жансеитом Туймебаевым данными стоят только числа, качества не видно. Как выясняется, потребность в кадрах для ФИИР составляет 108 тыс. человек. По словам министра образования, 55% потребностей ФИИР – работники с техническим и профессиональным образованием, 15% – с высшим образованием, 30% – рабочие несложных профессий.

Не хотят разработчики программы ФИИР понять, что успех экономических преобразований и конкурентоспособность страны будут определяться наличием качественно новой рабочей силы, а не количеством подготовленных кадров.

Планы «спланировали»

Наша конкурентоспособность на мировом рынке в случае провала ФИИР под большим вопросом. Мы отстаем по производительности труда от развитых стран. Имеющиеся тенденции в экономике на сей счет явно не оптимистичные.

Писать в столь скептическом тоне нам позволяют имеющиеся факты. Так, судя по этапам Стратегии индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы, республика должна была уже пожинать плоды прошедших двух этапов. Но, увы, как говорится, планы «спланировали».

Амина БУРАБАЕВА,
обозреватель «D»

(Продолжение в следующем номере газеты).